

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 271.2"186"

**Роль обер-прокуроров Святейшего Синода в возрождении
русского монашества в 1860-х годах**

Бежанидзе Г.В.¹

Деятельность учеников преподобного Паисия Величковского по насаждению старчества в русских монастырях уже получила достаточное освящение в историографии. Однако остаются недостаточно изученными действия высшей церковной власти по возрождению русского монашества. Наиболее важным синодальным деянием, предпринятым по инициативе оптинских старцев и святителя Филарета Московского в 1860-х гг., были меры по распространению в монастырях общежительного устава. Синодальные решения не только утвердили общежительный устав как наиболее приемлемый для монастырей, но и обеспечили преемство монастырских традиций в случае смены настоятеля. Однако для реализации синодальных резолюций потребовалась помощь обер-прокуроров. В статье, на примере истории возобновления Троице-Стефановского Ульяновского монастыря, автор показывает роль обер-прокуроров в реализации синодальных постановлений по возрождению русского монашества.

Ключевые слова: русское монашество, обер-прокурор Святейшего Синода, Троице-Стефановский Ульяновский монастырь, святитель Филарет Московский.

**Role of the Chief Procurators of the Holy Synod in the renewal
of Russian monasticism in the 1860s.**

Bezhanidze G.V.¹

Labors of the disciples of Saint Paisius Velichkovsky inculcating staretsdom in Russian monasteries already received sufficient sanctification in historiography. However, there remain poorly understood actions of supreme church authority to renewal Russian monasticism. That was one of the most important act of Sinod, undertaken at the initiative of the startsy of the Optina Monastery and st. hierarch Filaret of Moscow in the 1860s, to took steps for disseminate the coenobitic charter in Russian monasteries. Synodal decisions not only approved coenobitic charter as the most appropriate for the monasteries, but also provided the monastic traditions of succession in case of change of the Hegumen. However, for the implementation of the Synod resolutions required the assistance of the Chief Procurators. In this article, the example of the Troitsko-Stefanovsky Ulyanovsky Monastery, the author shows the role of the Chief Procurators in the implementation of resolutions of the Synod on the renewal of Russian monasticism.

Key words: Russian monasticism, The Chief Procurator, the Troitsko-Stefanovsky Ulyanovsky Monastery, St. hierarch Filaret of Moscow

¹Кандидат богословия, доцент. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет Россия, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 2/5, 115184. Candidate of Theology, Associate Professor. St.Tikhon's Orthodox University. Russia, Moscow, Bakhrushina str., 2/5, 115184.

E-mail: georgy.bezhanidze@gmail.com

© **Бежанидзе Г.В.**

Должность синодального обер-прокурора была учреждена Петром I для контроля над членами Синода с незначительным влиянием в системе государственного управления. Когда петровские коллегии уступили место министерствам, статус обер-прокурора возрос за счет получения им, наравне с министрами права всеподданнейшего доклада. К середине XIX в. обер-прокуратура была уже достаточно разросшимся ведомством, фактически особым министерством, выполняющим две основные функции: подготовка всей

документации для Святейшего Синода и обеспечение сношений Синода с императором и светскими ведомствами. Обер-прокурор сделался крупным чиновником, через которого Церковь могла реально влиять на обсуждение церковно-государственных вопросов в высших органах власти. Новый статус вывел обер-прокурора Синода «из первоначального фальшивого и вредного для Церкви положения и сделал его ревностным защитником церковных интересов» [6 («Обер-прокурор по необходимости усиливается выйти из положения, в которое ставит его первоначальное учреждение, как из положения фальшивого, стесняющего требования его деятельности в величайший вред делу Церкви <...>. Когда князь Голицын и граф Протасов достигли того положения, которое было нужно им: тогда они сделались самыми полезными людьми для Церкви в материальном отношении, самыми ревностными защитниками прав ее, защитниками сильными, более сильными, чем сам Синод. Они были сильны по той причине, что были равны первым вельможам; они были сильны как приближенные Царя, не нуждавшиеся уступать и угождать другим приближенным».)].

Именно в это время в сентябре 1856 г. обер-прокурором Святейшего Синода становится граф А.П. Толстой: талантливый администратор и благочестивый христианин, близкий к Оптиной пустыни; в историографии он получил наименование «оптинского» обер-прокурора, благодаря меткой характеристике Н.П. Гилярова-Платонова [10].

До своего назначения А.П. Толстой последовательно занимал важные посты Тверского гражданского губернатора и Одесского военного губернатора, но в 1840 году из-за конфликта с М.С. Воронцовым, Толстой вышел в отставку и стал жить в Москве вместе со своей супругой Анной Георгиевной, урожденной княгиней Грузинской.

Дом Толстых был известен в древней столице своей прекрасной домовою Церковью с греческими певчими. В нем нашел свой последний приют у гостеприимного графа и Н.В. Гоголь.

Современники Толстого в своих воспоминаниях называли будущего обер-прокурора святым человеком. Особенно их поражала ревность графа в соблюдении постов, благоговение к святыне и совершенная чистота в брачной жизни. Великим постом он не употреблял даже растительного

масла, жил в браке без супружеского общения по желанию своей благочестивой супруги, и даже тайно носил вериги [22; 25; 27].

Возвращение А.П. Толстого к административной деятельности, вероятно, было обусловлено желанием благочестивого графа возвысить духовенство, несправедливо униженное со времен петровских преобразований. «Мир нападает на ненавистную для него церковь, - писал почитатель оптинских старцев святителю Филарету Московскому, - и в сем нападении лукаво пользуется пороками духовенства. Не отвергая, что духовенство ... действительно порочно, я все же становлюсь на его сторону, на которой с Божией помощью надеюсь пребывать во все время моей службы. Поступаю же так по тому убеждению, что пороки духовенства суть пороки человеческие,... а грех мира есть грех сатанинский, вражда на священный сан и на саму церковь Божию» [9].

Для реализации своих планов А.П. Толстой собирает вокруг себя круг единомышленников. Своими ближайшими помощниками, граф делает «оптинцев» Терция Филиппова и Константина Зедергольма, к которым вскоре присоединился управляющий синодальной канцелярией Петр Иванович Соломон, глубоко почитавший старца Макария. Кроме того, сотрудниками синодальной обер-прокуратуры стали и другие посетители Оптиной пустыни и близкие родственники ее насельников, в частности, брат архимандрита Леонида (Кавелина) Дмитрий Александрович. Таким образом, во времена А.П. Толстого обер-прокуратура, можно сказать, находилась под благодатным покровом Оптинских старцев [1].

«Поборник православия» – такой эпитет прилагал к графу А.П. Толстому преподобный Макарий Оптинский [14]. Насколько оправдана подобная характеристика, ведь значительных изменений в положении Церкви и духовенства в обер-прокуратуру А.П. Толстого не произошло, а личное благочестие само по себе не может служить критерием административной деятельности?

Во-первых, во всей деятельности Толстого прослеживается четкая система взглядов на церковно-государственные отношения в России. В этих взглядах находилось место и принципам церковной автономии и «симфонии» Церкви и государства. Защищая, например, церковные капиталы Толстой четко разграничивал систему

церковного управления и государственные учреждения: «... невозможно Синод, или соборное управление Церковью, ставить в одной категории с министерствами и главными управлениями», - писал он в докладной записке императору [17; 26]. Сакральность власти и священная обязанность блюсти церковные интересы, как суть православной монархии, были для Толстого не только пафосными выражениями, но руководящим принципом в осуществлении обязанностей обер-прокурора.

Во-вторых, ряд мероприятий осуществленных за время пребывания Толстого на посту обер-прокурора не могли не отразиться на дальнейшем течении церковной жизни. Окончательное решение вопроса о переводе Священного Писания на русский язык, которому граф не стал противодействовать, хотя и придерживался иного мнения, стало одной из важнейших вех в истории Русской Церкви синодального периода. Впервые со времен царя Алексея Михайловича стал слышен голос Церкви при определении политики правительства в Восточном вопросе. Начавшейся при Толстом пересмотр системы духовного образования стал первым шагом к масштабной реформе духовно-учебных заведений 1867-69 гг. [2] Ну и, наконец, Святейшим Синодом проводятся реальные меры по нормализации духовной жизни монастырей.

Синодальный указ от 20 марта 1862 г., утвердивший общежительный устав как наиболее соответствующий духу монашества, был последним важным церковным постановлением в обер-прокуратуру А.П. Толстого. Хотя «Оптинский» обер-прокурор, по свидетельству святителя Филарета Московского, и имел «попечение об общежительных монастырях, особенно имеющих доброе духовное устройство от добрых старцев» [23, С. 41], но, очевидно, не спешил инициировать монастырскую реформу.

В середине XIX в. монастыри действительно нуждались во внешних мерах по их благоустройству. Если в XVIII веке русское монашество переживало кризис, то в XIX веке, благодаря деятельности учеников преподобного Паисия (Величковского), в России явно наметился расцвет монашеской жизни.

Административными мерами не создашь старчества, для этого нужны подвижники и старцы, духовное преемство. Но

внешнее положение монастырей не должно стеснять их внутреннюю жизнь. А административное положение монастырей, не слишком изменившееся со времен секуляризационных реформ екатерининской эпохи, очевидно, не соответствовало той напряженной духовной жизни, которая бурлила за стенами обитателей.

Однако инициатором проведения монастырской реформы А.П. Толстой так и не стал. «Восстановление монастырей в прежней духовной красоте их... может последовать только действием особенной благодати Божией, чрез посредство таких же достойных орудий», и «никак не может быть делом светских людей», – писал святитель Игнатий Брянчанинов [5]. Толстой, как известно, не навязывал своей точки зрения иерархии даже по церковно-государственным вопросам. Следовательно, небезосновательным будет предположение, что граф смиренно ожидал «движения силоамских вод» от просвещенных Святым Духом подвижников.

В деле оздоровления русского монашества Толстой отводил важную роль восточному православию. В 1860 г. обер-прокурор послал своих ближайших сотрудников П.И. Соломона и К. Зедергольма на Восток для ознакомления с местными учебными заведениями и монастырями [13].

Для выполнения последней задачи К. Зедергольм, который через два года принял постриг в Оптиной пустыне подходил больше всего. Наибольший интерес чиновника по особым поручениям обер-прокурора вызвали Святогорские обитатели. На Афоне он пробыл около месяца: ознакомился с жизнью монастырей, беседовал со старцами [12]. Кроме официального отчета, итогом поездки по монастырям стала отдельная статья, опубликованная духовным сыном преподобных Макария и Амвросия Оптинских в 1867 году [8].

Но к середине XIX в. русское монашество уже не нуждалось в «благодатной прививке» афонских аскетов. В отечественных монастырях подвизалось немало носителей лучших иноческих традиций, а великие оптинские подвижники уже составили «златую цепь» духовного преемства: каждый последующий старец был не только духовным сыном, но и сотаинником предыдущего.

Один из этих смиренных сосудов божественной благодати, преподобный Макарий Оптинский, незадолго до своей кончины завещал святителю Филарету Московскому

утвердить общежительное монашество синодальным указом [23, С. 20].

Следуя завету великого оптинского старца, Московский архипастырь после совета с «некоторыми опытными и ревнующими о духовном устройстве общежительных монастырей» лицами, составил проект синодального указа, который послал обер-прокурору [23, С. 20, 27].

В проекте отмечалось, что общежитие «очевидно более споспешствует нестяжательности, послушанию и отречению от своей воли», но благополучию общежительных монастырей мешает определение настоятелей не из общежития, слишком большое сосредоточение власти в лице настоятеля и существующее право настоятелям общежительных монастырей завещать свою собственность, а их родственникам требовать наследства.

Святитель Филарет предложил избирать настоятеля преимущественно из братии того же монастыря, а при необходимости из другого также общежительного, и запретить назначение настоятелей, не имеющих опыта жизни в общежитии. Власть настоятеля ограничивалась учреждением должности помощника в лице наместника или казначея, а право настоятелей распоряжаться своим имуществом сводилось к возможности завещать его только в пользу монастыря в целом или на отдельные частные потребности обители [23, С. 21-23].

Однако предложения Московского святителя вызвали неоднозначную реакцию со стороны Первенствующего члена Синода [11], и обер-прокурору пришлось приложить немало усилий для выработки согласного мнения синодальных членов [23, С. 26-28].

В окончательном варианте синодальный указ от 20 марта 1862 года, определивший порядок избрания настоятелей в общежительные монастыри, весьма гармонично сочетал власть епархиального архиерея и права братии общежития, которые сложились на заре появления монашества, когда оно вообще не зависело от епископата.

Согласно новым правилам, первоначально братия избирает двух кандидатов на вакансию настоятеля. Архиерей может утвердить одного из них, а может присоединить к ним и своего кандидата, но обязательно из общежительного монастыря. Окончательное утверждение одного из кандидатов зависит от Святейшего Синода. Кроме того, епархиальным

архиереям предлагалось истребовать от настоятелей монастырей составленные старшей братией подробные описания всех особых правил и обычаев своих обителей, чтобы монастырские традиции неукоснительно сохранялись [19, Л. 6-6 об.].

Предложения Московского святителя о собственности настоятелей общежительных монастырей потребовали изменений в своде законов Российской империи, поэтому для их реализации понадобилось несколько месяцев переписки обер-прокурора с Главнуправляющим II отделения Его Императорского Величества Канцелярии [19, Л. 9-12].

Однако новый указ далеко не везде исполнялся, и в синодальном архиве сохранились обращения к обер-прокурору Синода из разных епархий с просьбами обеспечить его выполнение. Рассмотрим историю одного из таких ходатайств от братии Троице-Стефановского Ульяновского монастыря.

Как известно, Троице-Стефановский Ульяновский монастырь был возобновлен в 1860 г. как общежительный по ходатайству жителей Устьсысольска [15]. Первым настоятелем Ульяновского монастыря стал строитель упраздненного Лальского монастыря иеромонах Иринаей. Недолгим было настоятельство о. Иринаей: в сентябре 1862 г. он скончался, не утвердив жизнь новой обители по общежительному уставу. На место умершего строителя епископ Вологодский Христофор назначил заштатного игумена Вениамина, а когда последний отказался от настоятельства по преклонности лет, эконома Вологодской семинарии иеромонаха Виталия.

Выбор Вологодского преосвященного был обусловлен зырянским происхождением иеромонаха Виталия, однако у последнего не было не только навыка пребывания в общежитии, но и достаточного опыта монастырской жизни вообще. Иеромонах Виталий не имел никакого духовного образования, происходил из вдовых причетников и из своего двадцатилетнего монашеского служения – пятнадцать лет был семинарским экономом. Новое назначение он получил после того как попросил увольнения от должности эконома по слабости здоровья [21, Л. 10].

Братия Ульяновского монастыря, конечно, не могла ожидать от нового настоятеля надлежащего духовного руководства. Видя, что монастырь не имеет должного попечения со стороны правящего архиерея, ревнители возрождения

монашества на зырянской земле решили действовать самостоятельно.

Вначале они вошли в сношение с братией Соловецкого монастыря, где нашли полную поддержку своим устремлениям, и желающих не только советом, но и делом послужить возрождению обители святителя Стефана. Однако обращаться с прошением к Вологодскому епископу о назначении нового настоятеля из Соловецкого монастыря ревнители не решились, а написали прямо обер-прокурору Святейшего Синода А.П. Ахматову, надеясь, что в этом случае просьба не останется без ответа. Указав, что назначение настоятелей в обитель произошло в противность синодальному указу от 20 марта 1862 года, братия Ульяновского монастыря иеромонах Пахомий, иеродиакон Акиндин и послушник Илья Попов, просили обер-прокурора «как Высокого Блюстителя законного порядка по духовному ведомству» обратить внимание на их желание благоустроить обитель «в духе истинного монашеского общего жития... к общему благу и утешению нашему и здешнего Зырянского народа» [21, Л. 3-4].

Письмо иноков попало к исправляющему обязанности обер-прокурора князю С.Н. Урусову. В обер-прокуратуре навели надлежащие справки, которые подтвердили сведения докладной записки монахов Троице-Стефановского монастыря, после чего был составлен проект предложения Синоду. Но князь не стал давать делу законный ход без предварительного сношения с правящим архиереем. В июне 1864 г. Урусов написал от себя к Вологодскому епископу, сообщив ему о желании Ульяновских монахов [21, Л. 15-16, 25].

Ответа от Вологодского епископа, однако, не последовало. Тогда обер-прокуратура стала действовать через подвластного ей секретаря Вологодской консистории, осенью следующего 1865 г. потребовав от него уведомить Канцелярию обер-прокурора о положении в Ульяновском монастыре. На этот раз ответ последовал не только от секретаря консистории, но и от правящего архиерея. Епископ Христофор известил обер-прокурора, что по его просьбе Соловецкий архимандрит Порфирий назначил для занятия должностей настоятеля, казначея, эконома и духовника опытных старцев, которые, однако, во всю навигацию 1865 г. в Ульяновский монастырь не прибыли [21, Л. 19-20].

Переписка между Вологодским епископом и настоятелем Соловецкого монастыря действительно была. Архимандрит Порфирий сообщил Вологодскому епископу, что несколько Соловецких старцев готовы отправиться в Ульяновскую обитель, но при соблюдении определенных требований. Опытные в духовной жизни Соловецкие отцы полагали, что общежитие только тогда будет должным образом укоренено в новой обители, когда будет свободно от разрушительного вмешательства. Поэтому они предложили ряд неперемных условий для своего переселения в Ульяновскую обитель, главные из которых – предоставление настоятелю и собору старших братьев права принимать и увольнять из общежития, вести монастырское хозяйство и строительство без предварительного обращения к епархиальному начальству [16].

Почему же приезд старцев в Троице-Стефановский монастырь не состоялся в 1865 году?

Возможно, епископ Христофор не был доволен требованиями Соловецких старцев и не настаивал на их переезде в Ульяновский монастырь. Может быть, Соловецкие старцы не были уверены, что архимандрит Порфирий адекватно передал Вологодскому преосвященному их пожелания. Соловецкий архимандрит, вообще, не имел особого доверия у братии. Известно, что в 1861 г. ревнители общежительного устава Соловецкого монастыря privately обратились к обер-прокурору А.П. Толстому с жалобой на своего настоятеля. Архимандрит Порфирий после своего вступления в должность изменил порядок распределения денежных сумм из кружечных доходов. Если раньше из числа кружечных доходов в пользу настоятеля и иеромонахов делилось около четырех тысяч рублей в год, то о. Порфирий стал делить уже двенадцать тысяч. Таким образом, нарушался основной пункт общежительного устава – обобществление доходов [20]. Для того чтобы предупредить самоуправство настоятеля, после кончины архимандрита Порфирия, по указу Святейшего Синода, в Соловецкой обители был учрежден собор из старшей братии [7].

Опасения старцев, (если они, конечно, вообще имели место), были небезосновательны, ведь в своем письме к епископу Христофору архимандрит Порфирий упомянул далеко не все требования иеромонахов, согласившихся отправиться в новую обитель. Следует отметить, что старцы впоследствии

руководствовались при управлении Ульяновским монастырем своими требованиями, а не теми условиями, которые передавал в своем письме Соловецкий настоятель [24, С. 61 (Так, например, решение о постройке братского корпуса было принято старцами без всякого сношения с епархиальным начальством)].

Но, все же, наиболее вероятно, что переезд старцев не состоялся в 1865 г. из-за кончины архимандрита Порфирия, последовавшей 26 июня 1865 г. Примечательно, однако, что переселение произошло уже после кончины архимандрита Порфирия и переводе епископа Христофора в другую епархию [4].

Так или иначе, к началу 1866 г. дело об Ульяновском монастыре, наконец, было разрешено к радости ревнителей о благочестии Зырянского края. После получения ответа от Вологодского архиерея, обер-прокурор [3] дал делу законный ход, предложив Синоду полученное им отношение епископа Христофора вместе с упомянутым ранее письмом князя Урусова. Синод одобрил благочестивое желание монахов Ульяновского монастыря и благословил старцам Соловецкой обители переехать на служение в Зырянский край «на изъясненных с их стороны условиях» [18]. Приезд старцев весьма благотворно сказался на жизни восстановленной обители, которая вскоре заняла достойное место среди многочисленных благоустроенных общежитий того времени.

Дело об Ульяновском монастыре было начато при обер-прокуроре Александре Петровиче Толстом, продолжено при Алексее Петровиче Ахматове, а закончилось при Дмитрие Андреевиче Толстом. Но смена обер-прокуроров никак не отразилась на его общем течении. Ведь чиновники обер-прокуратуры, в большинстве своем достойные люди, исполняли свой долг, служа отечеству и Церкви Христовой. Но, конечно, когда обер-прокурором становился человек глубоко церковный подобный Александру Петровичу Толстому, для Церкви открывалась возможность проведения реформ в духе подлинного христианского благочестия.

1. Бежанидзе Г.В. Константин Зедеггольм – чиновник особых поручений обер-прокурора Синода и духовный сын оптинских старцев // Переписка Константина Зедеггольма со старцем Макарием Оптинским. М., 2013. С. 23-24

2. Бежанидзе Г.В. Обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Толстой и святитель Филарет (Дроздов) // Филаретовский альманах. Вып. 4. С. 93-121.

3. Граф Д.А. Толстой.

4. Епископ Христофор 17 июня 1866 г. был перемещен в Вятскую епархию, а 5 октября того же года ушел на покой в Тотемский Спасо-Суморин монастырь Вологодской епархии.

5. Игнатий (Брянчанинов), свят. О монашестве. Разговор между православными христианами мирянином и монахом // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: в 8 т. М., 2001-2007. Т. 1. С. 459.

6. Игнатий (Брянчанинов), свят. О необходимости собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: в 8 т. М., 2001-2007. Т. 3. С. 528-529

7. Историческое описание Соловецкого монастыря / Составлено тщанием настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Мелетия. М., 1881. С. 254-255.

8. Климент (Зедегольм), иером. Из воспоминаний о поездке на Восток в 1860 г. // Православный немец иеромонах Климент Зедегольм. Оптина пустынь, 2002. С. 309-312.

9. Львов А.И. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. СПб. 1900. С. 426-427.

10. Материалы для биографии Н.П. Гилярова-Платонова // Русское Обозрение. 1896. №12. С. 997.

11. Митрополит Исидор (Никольский), неблаговоливший к Московскому святителю.

12. Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 107. К. 6. Ед. хр. 26. Л. 34.

13. Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 214. Опт.60. Л. 51-55 об.

14. Переписка Константина Зедегольма со старцем Макарием Оптинским. М., 2013. С. 201.

15. Питирим (Волочков), епископ. Путь становления обители. Этапы формирования Троицко-Стефановского Ульяновского монастыря в 1866-1894 гг. при архимандрите Матфее и его возрождение в 1994-1998 гг. при епископе Питириме: сходства и различия как источник положительного опыта. Сыктывкар, 2008. С. 17-18.

16. Прощение иеромонахов: Матфея, Паисия, Амвросия, иеродиакона Феофилакты и послушника Феодора Ватаманова

настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Порфирию о том, на каких условиях они согласны переселиться в Ульяновскую обитель для устройства в оной общежития // Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель: Описание составил по поручению иноков Ульяновской обители Ф.А. Арсеньев. М., 1889. Приложение 8. С. 138-139.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 576. Оп. 35. Д. 21. Л. 115

18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 146. Д. 1834. Л. 6-13.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 31. Отд. 2. Ст. 2. Д. 12.

20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 31. Отд. 2. Ст. 2. Д. 39. Л. 1-1об.

21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 34. Отд. 3. Д. 9.

22. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 224

23. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам: В 5 т. СПб., 1885—1888. Т. 5.

24. Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель: Описание составил по поручению иноков Ульяновской обители Ф.А. Арсеньев. М., 1889.

25. Филиппов Т.И. Воспоминания о графе Александре Петровиче Толстом // Гражданин. 1874. №4. С. 112

26. Фирсов А.Г. «Охранить собственность церковную...»: святитель Филарет (Дроздов) и финансовая реформа 1862 г. // Филаретовский альманах. Вып. 4. М., 2008. С. 156-157.

27. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 409.

Печатается по рекомендации Оргкомитета международной научной конференции «Роль Православия в формировании России и в современном мире» (Сыктывкар, 30 сентября – 3 октября 2013 г.)